

В мастерской художника

Дагестан, правда,
1985, 13 апр.

КРАСКИ ЖИЗНИ

С НЕБОЛЬШОГО картонка на нас смотрит девичье лицо: карие, пытливые глаза, полукружья темных бровей, тонкий, чуть вздернутый нос... Чудится, будто девушка встала на цыпочки, пытается заглянуть в будущее.

— Писала этот этюд лет десять назад с мединайской сестры в Рязани, — рассказывает Галина Васильевна Пшеницына, — это была молодая, не по годам серьезная девушка. Все в ней жило ожиданием — будто весенняя почка, готовая вот-вот распухнуть навстречу свету, теплу, жизни.

Художница тогда не связывала этюд с каким-то конкретным замыслом. Но чутье подсказывало: она еще вернется к этому характеру. А пока записала девичье лицо «впрок» — как писатель заносит в записную книжку поразившую деталь.

И вот, готовясь к выставке, посвященной 40-летию Победы, обдумывая тему войны, Галина Васильевна вдруг поймала себя на том, что мысли и чувства неожиданным образом группируются вокруг девичьего лица, «подсмотренного» много лет назад в одной из больниц Рязани. Случайная знакомая с нежным и одновременно пытливым лицом виделась мужественной медсестрой военных лет, которая наравне с мужчинами вынесла все тяготы войны.

— В основе ассоциация, пожалуй, такое важное для меня качество, как жизнелюбие, способность надеяться на лучшее, — говорит художница, — Медсестра на войне — это символ

надежды, символ самой жизни.

Холст скорее всего так и будет называться — «Медсестра». И хотя он существует пока в эскизе, схвачено главное — атмосфера близкой победы, торжества жизни над смертью. В композиции фигура медсестры соседствует с цветущей — вопреки всему — веткой дерева... Запоминается лицо девушки — открытое, не тающее свои чувства.

Неблагодарное это дело — обобщать, но если судить по работам, висящим в мастерской, художницу в качестве моделей привлекают именно люди открытых чувств, искренние, доверчивые. Не потому ли она так любит писать детей?

— Пожалуй, да, — соглашается Галина Васильевна. — Дети обладают тем особым даром, который мы называем непосредственностью. Они еще не научились скрывать свои чувства, их еще не отягощает взрослая забота о том, как они выглядят в глазах окружающих. Они живут так, как если бы вокруг не было никого. Если радость — в полной мере, если озорство — то неприкрытое, грусть — неподдельная.

Прекрасной иллюстрацией к этим словам может послужить холст «Тувонец созрел». Какие солнечные краски, какой всплеск радости — кажется, что слышишь торжествующие возгласы ребят, победно вскинувших руки над головой.

На вопрос, откуда он родом, маленький принц из сказки Экзюпери ответил: из детства. Да, все мы родом из своего детства. И возвращая нас в атмосферу детских лет, худож-

ница возвращает нас к незамутненности восприятия, изначальной силе и глубине чувств, когда многое в первый раз, когда даже зреющие ягоды могли привести нас в неописуемый восторг.

Это случайность, что холст «Тувонец...» в мастерской художника висел другой холст со скромным, нейтральным названием — «Семья». Но далеко не случайно внутренняя, эмоциональная переключка картин. На лице матери, склонившейся над младенцем, в фигуре молодого отца чувствуется та же открытая радость, то же неподдельное счастье. Вместе работы смотрятся своеобразным диптихом, который так и хочется назвать — «Счастье».

Г. Пшеницына относится к среднему поколению дагестанских художников. Девятнадцать лет назад, окончив Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, переехала она к нам в республику. В изобразительное искусство она входила со своей темой, своими героями, своими жизненными ориентирами. Но это не помешало ей полюбить горный край, суровую красоту природы, проникнуться заботами и мыслями людей.

— Еще в студенческие годы, — вспоминает Галина Васильевна, — мы с Х. Курбановым и О. Ефимовым пешком исходили горные районы. Я бы не сказала, что природа показала мне экзотической. Какое-то оно петличное это слово — экзотика. Не чувствуется в нем отношения к тому, что видишь. Все было

гораздо теплее, домашнее, что ли. Не было туристского удивления, но было тихое, сосредоточенное восхищение...

Ездил она в горы и позже, уже обосновавшись в Махачкале. Результатом этих поездок стали многочисленные этюды, которые, как и «Рязанская медсестра», ждут своего часа. Но кое-что уже сделано. Это и жанровая картина «Вернулся из армии», и пейзаж «Окрестности Гуниба», и «Дагестанский натюрморт». О последней вепи хочется сказать особо. Галина Васильевна, по ее словам, очень любит писать натюрморты — ничуть не меньше, чем портреты, которые пока преобладают в ее творчестве. Она и к натюрморту подходит в некотором смысле, как к портрету — ищет возможность психологизировать «мертвую» натуру, ввести ее в контекст жизни. В этом плане и характерен «Дагестанский натюрморт». За старинной утварью, за тем, как это любовно выписано, встает уклад жизни, который сформировал у народа свои представления о красоте, о жизни.

Творчество Г. Пшеницыной еще требует внимательного изучения, искусствоведческого анализа. Пока же специалисты отмечают, что с годами кисть художницы становится точнее, зреее, богаче, насыщеннее становится палитра. На смену голубой, романтической, немного отвлеченной гамме приходят теплые тона. В таком ключе и будет написана «Медсестра», с которой начался наш разговор в мастерской. Сама художница перемены считает естественными, они связаны с более глубоким пониманием жизни, людей...

Простывшись, она возвращается к работе. С небольшого картонка смотрели пытливые девичьи глаза: что там — впереди?

М. АЙДУНБЕКОВ.